

ОТ РЕДАКЦИИ

Несмотря на большую критическую литературу, посвященную Лермонтову, приходится признать, что до сих пор он остается одним из наименее изученных русских писателей. Научной биографией его мы не располагаем. Творчество его столь мало исследовано, что нередко нет еще возможности установить время и обстановку создания тех или иных его произведений, расшифровать их исторический смысл. По сути дела, первые шаги в этом направлении предпринимаются только сейчас, в наше время.

Причины, обусловившие такое положение вещей, многочисленны и многообразны, но в нашу задачу не входит их развернутый анализ. Важнейшие из них лежат в историко-культурной области: малая изученность Лермонтова органически связана с тем односторонним восприятием его наследства, которое характерно для русской либерально-буржуазной мысли прошлого. Сыграла свою роль и крайняя скудность документальных материалов, касающихся жизни поэта и его творчества. Можно с большой долей уверенности утверждать, что даже художественные произведения Лермонтова дошли до нас далеко не полностью. Еще более плачевна судьба его эпистолярного наследства: количество затерянных и утраченных писем его исчисляется, по меньшей мере, десятками. Бедна и малосодержательна мемуарная литература. Источники официального или полуофициального порядка и малочисленны и по большей части малозначительны.

Малой изученностью Лермонтова продиктованы некоторые структурные особенности настоящего тома «Литературного Наследства», которым завершается первое десятилетие существования издания.

В основных своих чертах том строится по тому же типу, какой определился в выпущенных ранее тематических томах «Литературного Наследства», последовательно посвященных Гёте, русской литературе XVIII в., Салтыкову-Щедрину (два тома), Пушкину, Чернышевскому и Добролюбову, русскому символизму, русской культуре и Франции (три тома), Л. Толстому (два тома) и Герцену (два тома).

Однако своеобразие материала привело редакцию к необходимости несколько отступить от установившегося типа. На протяжении истекших десяти лет «Литературное Наследство» строилось преимущественно как издание документальное, посвященное прежде всего публикации новых материалов по марксистско-ленинскому литературоведению и по истории русской литературы. В издании был помещен ряд неизданных текстов классиков марксизма-ленинизма по вопросам литературы и искусства, публикация которых имела громадное значение в развитии марксистско-ленинской эстетики (письма Энгельса к Паулю Эрнсту, к Маргарэт Гаркнес, к Минне Каутской, переписка Маркса и Энгельса о трагедии Лассала «Фридрих фон Зиккинген», excerpts Маркса из «Эстетики» Фишера). Здесь же увидели свет многочисленные первостепенного значения материалы, касающиеся литературной и общественной деятельности Грибоедова, Полежаева, Гоголя, Чаадаева, Тютчева, Белинского, Грановского, В. Ф. Одоевского, Козьмы Пруткова, Шевченко, Достоевского, Гончарова, Курочкина, Помяловского, Решетникова, Слепцова, Трефолева, Ткачева, Лаврова, Берви-Флеровского, Федосеева, Плеханова, Брюсова, Леонида Андреева, Маяковского.

Этот конкретно-документальный тип издания не обозначал, конечно, что «Литературное Наследство» не уделяло внимания вопросам чисто теоретического характера. Публикуемые материалы часто оказывались столь содержательными, что публикация их оказывалась неизбежно сопряженной с научно-исследовательской разработкой той или иной историко-литературной темы.

В Лермонтовском томе «Литературного Наследства» работам собственно исследовательского теоретического характера уделено значительно большее внимание. Общая задача всех работ, которым отведен первый полутом, — наметить основные пути, основные вехи изучения лермонтовского наследства, выделить те моменты творческой проблематики Лермонтова, которые являются кардинальными, узловыми и которые в первую очередь должны быть подвергнуты тщательной и углубленной научной разработке. Отдавая себе отчет в том, что задача эта с всесторонней и исчерпывающей полнотой в одном юбилейном издании выполнена быть не может, редакция все же полагает, что важнейшие вопросы лермонтовского наследства отражены в томе с достаточной широтой.

Том открывается вступительной статьей президента Академии наук СССР акад. В. Л. Комарова «Лермонтов в наши дни». В ней раскрывается общественно-политическая оценка великого поэта в прошлом и в наше время, особенно в связи с коварным и варварским нападением фашистской Германии на Советскую страну.

Открывающая первый раздел тома статья Б. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова» носит прежде всего итоговый характер: она суммирует и обобщает те положительные результаты, которые были достигнуты в области изучения жизни и творчества Лермонтова в последние годы. Одновременно она намечает круг тех задач, которые выдвигает перед исследователем лермонтовского наследства научный опыт, накопленный в течение последних лет.

Статья В. Асмуса «Круг идей Лермонтова» в сущности впервые серьезно ставит вопрос о философских взглядах поэта. Известно, что долгое время многие толкователи Лермонтова отказывались видеть в его творчестве следы какого бы то ни было целостного мирозерцания. Материал настоящей статьи не касается вопроса об исторических корнях философских воззрений поэта, о питавших их традициях западно-европейской и русской философии, но он со всей наглядностью опровергает привычные суждения о поэте, раскрывая облик Лермонтова как «поэта глубокой, напряженной и страстной мысли», приводит к выводу, что «вместе с Лермонтовым преждевременно погиб не только ум огромной потенциальной философской силы, но и первоклассный в потенции эстетик».

Статья А. Федорова «Творчество Лермонтова и западные литературы» представляет собой попытку нового переосмысления этого старого, неоднократно привлекавшего внимание исследователей вопроса. Отвлекаясь от традиционного рассмотрения его в плане «влияний» и «заимствований», автор стремится понять творчество Лермонтова как явление мировой литературы.

М. Азадовский в статье «Фольклоризм Лермонтова» и М. Штокмар в статье «Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова» с разных сторон подходят к проблеме народности лермонтовского творчества — одной из центральных проблем его творчества. В первой из этих статей раскрывается социально-исторический смысл тяготения Лермонтова к народной поэзии. Автор приходит к выводу, что лермонтовский фольклоризм «отразил новое сознание и новые политические тенденции русского общества. Лермонтов вступил на тот же путь, по которому шли его великие современники: Белинский, Герцен, Огарев и их ближайшие друзья и соратники. Это был путь признания народа основной силой русского исторического процесса». Вторая статья строится на основе анализа художественно выразительных

приемов «Песни про купца Калашникова» в их соотношении с художественно-выразительными средствами фольклора.

В статье Г. Виноградова «Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе» раскрываются и анализируются пути проникновения лермонтовских произведений в песенную культуру народа.

Далее следует ряд статей, посвященных отдельным жанрам лермонтовского творчества.

Две статьи посвящены лермонтовскому стиху. Л. Пумпянский в статье «Стиховая речь Лермонтова» убедительно устанавливает, что двум основным темам лермонтовского творчества—теме одиночества (являющегося выражением «громкой нерастраченной социальной любви») и теме народности—«соответствуют два разных стиля и два разных строя стихотворной речи». Статья И. Розанова полезна материалом по лермонтовской строфике и различным применявшимся поэтом системам рифмовки.

Две статьи посвящены прозе Лермонтова. Круг вопросов, охватываемых статьей Б. Томашевского «Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция» определяется ее заголовком. Статья В. Виноградова «Стиль прозы Лермонтова» устанавливает место, занимаемое Лермонтовым в истории русской прозы. «Лермонтов в „Герое нашего времени“ объединил в гармоническое целое все созданные в пушкинскую эпоху средства художественного выражения,—констатирует автор.—Был осуществлен новый стилистический синтез достижений стиховой и прозаической культуры русской речи. Поставленная Пушкиным проблема метафизического языка получила в творчестве Лермонтова оригинальное разрешение, так как элементы публицистического и научно-философского языка стали органической, составной частью стиля художественной прозы. Тем самым была открыта сулившая большие возможности перспектива широкого взаимодействия между стилями художественной литературы и стилями публицистики и науки».

В статье В. Комаровича, посвященной «Маскараду» как самому совершенному из творений лермонтовской драматургии, дается развернутый анализ эволюции лермонтовского замысла, причем автор показывает, как, от одной редакции драмы к другой, в ней созревают и крепнут реалистические начала, в конце концов получающие господствующее значение, побеждая все остальные.

В статье Л. Гроссмана «Лермонтов и культуры Востока» дается развернутый анализ ориентальных интересов поэта и ориентальных тем его творчества. Статья, несмотря на частный, как будто бы, характер трагуемого вопроса, позволяет сделать ряд выводов общепринципиального характера, показывая Лермонтова как горячего и убежденного проповедника равноправия народов и рас, борца против расовой и религиозной нетерпимости. В этом отношении примечательны те разделы статьи, в которых показано, как впечатления провокационного судебного процесса, затеянного царским правительством против велижских евреев, отразились в мотивах и образах «Испанцев».

Статья Н. Мордовченко «Лермонтов и русская критика 40-х годов» показывает ту острую и напряженную борьбу, объектом которой еще при жизни поэта стало его творчество. Статья Я. Эльсберга «Лермонтов в оценке революционных демократов» систематизирует суждения о Лермонтове, оставленные Белинским, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым.

Заканчивая этот краткий обзор содержания первого полутома настоящего издания, редакция считает нужным сделать оговорку: при общности исходных точек зрения на Лермонтова и его творчество, авторы помещенных здесь статей в некоторых частностях расходятся; редакция не считала нужным сглаживать эти частные расхождения, полагая, что они отражают современный уровень научного лермонтоведения и требуют дальнейшего исследования и обсуждения.

Второй полумом открывается разделом, посвященным новым приобретениям лермонтовского текста. Крайнюю скудность документальных материалов, касающихся жизни и творчества Лермонтова, мы уже отмечали выше. Не случаен тот факт, что на протяжении многих десятков лет фонд лермонтовских текстов остается неизменным. Это особенно бросается в глаза при сопоставлении его с пушкинским фондом, обогатившимся за одно только последнее десятилетие целым рядом значительных открытий, в числе которых имеются законченные художественные произведения, выдающиеся по интересу письма и т. д. Тем не менее, в прошлом «Литературному Наследству» удалось дать ряд публикаций в этой области (см. сообщения Б. Эйхенбаума, Н. Пахомова, В. Мануйлова и А. Михайловой в № 19—21). Настоящий раздел служит как бы естественным продолжением этой начатой ранее работы. В статье А. Михайловой раз навсегда разрешается вопрос о каноническом тексте «Демона», до настоящего времени оставшийся спорным. Скудный эпистолярный фонд Лермонтова обогащается тремя новыми его письмами: к Геденову, Александру Тургеневу и Философову. Все три письма публикуются в сопровождении развернутого сопроводительного аппарата. В обзоре В. Мануйлова предпринята попытка с максимальной точностью установить объем и содержание фонда лермонтовских писем, не дошедших до нас.

Почти совершенно неизученным, даже неучтенным как следует, оставалось до сих пор богатейшее живописное наследство Лермонтова. В то время как пушкинская графика в настоящее время не только подвергнута некоторой первичной систематизации, но и послужила предметом специальных монографических исследований, по Лермонтову в этой области не сделано буквально ничего. Между тем это отнюдь не безразличный участок работы. Картины и рисунки Лермонтова очень существенны как вспомогательный материал при изучении его литературного дела, его биографии. Исходя из этих соображений, редакция в этом же разделе дает место статьям Н. Пахомова, В. Бубновой, А. Савинова, трактующим различные стороны многообразной деятельности Лермонтова как живописца и рисовальщика.

Следующий раздел второго полумома посвящен научным разысканиям по частным вопросам биографии и творчества Лермонтова. Воздерживаясь от подробного перечисления помещенных в этом разделе работ, отметим, что почти все они построены в большой мере на свежем документальном материале, выявленном в советских архивохранилищах, или на материале, хотя и известном в печати, но впервые вовлекаемом в орбиту научного исследования. Обращение к этому материалу позволило по-новому осмыслить отдельные произведения Лермонтова или отдельные его творческие циклы (работы С. Обручева о творческой полемике Лермонтова с Полежаевым, или И. Боричевского, дающая очень острый анализ «Смерти поэта» в сопоставлении с «Моей родословной» Пушкина), отдельные, иногда очень существенные эпизоды его биографии (дуэль поэта с Барантом, рисовавшаяся до сих пор как простое светское приключение, теперь, в свете печатаемого здесь разыскания Э. Герштейн, приобретает характер определенного политического события), по-новому представить фигуры различных спутников жизни Лермонтова (работа Н. Бродского о Святославе Раевском, совершенно по-новому рисующая образ этого, быть может, самого близкого из друзей поэта).

Заслуживает внимания нашедшая себе место в этом разделе группа работ, посвященных поре отрочества и ранней юности Лермонтова—периоду его пребывания в Московском университетском благородном пансионе. В работе Ф. Майского впервые вводится в историко-литературный обиход обширный материал, извлеченный автором из архива этого учебного заведения, сыгравшего такую заметную роль в летописях русского просвещения начала прошлого века. Материал этот, хотя в названной работе он и демонстрируется в сыром, так сказать, виде, дает, тем не

мене, довольно живое представление об учебных программах и планах Пансиона, о литературных интересах и занятиях воспитанников и т. д. Интересен составленный автором перечень пансионских товарищей Лермонтова с краткими биографическими сведениями о каждом из них. В работе Т. Л е в и т а, устанавливающей пансионское происхождение одного малоизвестного альманаха тех лет, высказывается предположение, что автором некоторых афористических текстов, напечатанных в этом альманахе, является, может быть, Лермонтов. Предположение это нуждается в дополнительных разысканиях. Однако, безотносительно к результатам этих разысканий, работа дает ряд новых черт к характеристике той литературной среды, в окружении которой формировалось поэтическое «я» юного Лермонтова. Наконец, работа Л. Г р о с с м а н а раскрывает исключительно богатую эрудицию Лермонтова в современной ему литературе по вопросам стиха.

Несколько особое место в ряду других работ данного раздела занимает исследование С. Д у р ы л и н а о Врубеле и его произведениях на лермонтовские темы. Произведения эти, с точки зрения глубины и проникновенности творческого воссоздания художником-иллюстратором образов иллюстрируемого поэта, представляет собою явление единственное и неповторимое в истории всего мирового искусства. Это обстоятельство в достаточной мере, по мнению редакции, оправдывает помещение в томе особой работы, дающей подробный и всесторонний анализ этой глубоко поучительной творческой встречи замечательных мастеров двух разных областей искусства—Врубеля и Лермонтова.

Раздел воспоминаний и писем современников о Лермонтове содержит большое количество впервые публикуемых мемуарных и эпистолярных материалов. Отметим здесь цикл писем бабушки поэта Е. А. Арсеньевой, почти вдвое увеличивающий ее известный до сих пор эпистолярный фонд,—цикл, являющийся драгоценным источником для биографии поэта; материалы из архива родственников поэта со стороны матери—Философовых, обогащающие биографию Лермонтова большим количеством неизвестных доселе фактов; фрагменты воспоминаний кн. Лобанова-Ростовского, товарища Лермонтова по «кружку шестнадцати», не только сообщающие также ряд новых существенных штрихов к биографии поэта, но и дающие яркую картину светского Петербурга 30-х годов. Первостепенное значение имеет ряд новых документов, относящихся к последней дуэли поэта. Этот наиболее трагический эпизод его биографии в последнее время привлек особенно оживленное внимание исследователей. В результате укоренившаяся версия об этой дуэли, объяснявшая ее неуживчивостью поэта, оказалась отброшенной как явно клеветническая. Так же, как дуэль Пушкина с Дантесом, дуэль Лермонтова с Мартыновым была не чем иным, как тонко организованным, замаскированным политическим убийством,—вот к какому выводу приводят все новейшие разыскания. Этот вывод полностью подтверждается и документами, публикуемыми в настоящем томе. Особенно примечательны в этом плане дневниковая запись А. Булгакова и два его письма к П. Вяземскому. Впервые публикуемое письмо Н. Молчанова к В. Пассеку ярко рисует обстановку последних дней жизни Лермонтова в Пятигорске; благодаря этому письму в круг друзей и знакомых поэта включается новый любопытный персонаж—московский врач И. Е. Дядьковский.

Раздел сообщений особых пояснений не требует. Отметим только, что наряду с работами информационного или обзорного характера редакция предоставила здесь место некоторым дискуссионным выступлениям, касающимся расшифровки тех или иных отдельных произведений Лермонтова. Редакция считает, что высказываемые исследователями гипотезы имеют право на существование, способствуя дальнейшему изучению материала.

Предметом особого внимания со стороны редакции явилась иллюстративная сторона тома. Наряду с иконографией самого Лермонтова, его автографами, картинами

и рисунками, в томе широко представлены также изображения «лермонтовских мест», иллюстрации к произведениям поэта, рисунки, относящиеся к сценической интерпретации отдельных его произведений, всевозможные историко-бытовые художественные памятники и зарисовки и т. д. Эти материалы в настоящем издании представлены с такой полнотой, как они не были собраны никогда и нигде, многие из публикуемых иллюстраций появляются в свет впервые.

Том подготовлен к печати И. Сергиевским и Б. Эйхенбаумом. Подбор иллюстраций произведен Н. Пахомовым. Художественная редакция и общее наблюдение за оформлением издания принадлежат И. Зильберштейну.

Том выходит в свет в суровое время, когда все силы нашей родины мобилизованы на разгром вероломно напавшего на нас врага. Пусть том будет выражением нашего уважения к бессмертной памяти великого поэта и великого патриота нашей страны. И да послужит он одним из многочисленных свидетельств того, что, несмотря на всю сложность переживаемого момента, культурная жизнь нашей страны не прерывается ни на мгновение, укрепляя разделяемую всем советским народом уверенность в его конечной победе, в торжестве созидательных сил человечества над разрушительными.